

1775–1817

«Из всех великих писателей Джейн Остин труднее всего уличить в величии, ей присущи особая законченность и совершенство».

Вирджиния Вулф

«Джейн Остин ничто не воспламеняло, ничто не вдохновляло и ничто не толкало ее к гениальности; она просто родилась гением...»

Дж. К. Честертон

классика
В
кармане

классика в кармане

Д.Ж. ОСТИН

классика
в кармане

Чувство и чувствительность

Д.Ж. ОСТИН

классика
в кармане

«Женщины придают слишком большое значение единственному восхищенному взгляду. А мужчины стараются их в этом заблуждении поддержать».

Джейн Остин

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Чувство и чувствительность

Д.Ж. ОСТИН

Чувство и чувствительность

*классика
в кармане*

Дж. ОСТИН

Чувство и чувствительность

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4)
О-76

Проект Д. Е. Веселова

Печатается по:
Остен Джейн. Собрание сочинений : В 3 т. —
М. : Художественная литература, 1988. — Т. 1.

В оформлении обложки использован фрагмент картины
«A Thorn Amidst Roses». Художник James Sant

Иллюстрации Хью Томсона

Литературно-художественное издание
Серия «Классика в кармане»

ОСТИН Джейн
Чувство и чувствительность

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Е. М. Залипаева*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залипаева*

Подписано в печать 20.04.2013. Формат 76x100/32.
Усл. печ. л. 16, 88. Тираж 3000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А.
Тел. (495) 984-35-23; e-mail: office@bmm.ru
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: cor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

www.ttornado.com.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-546-7 (БММ)
ISBN 978-966-14-5428-5 (КСД)

© И. Гурова, наследники, перевод
на русский язык, 2013
© Nemiro Ltd, 2013
© ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа
Москва АО», 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

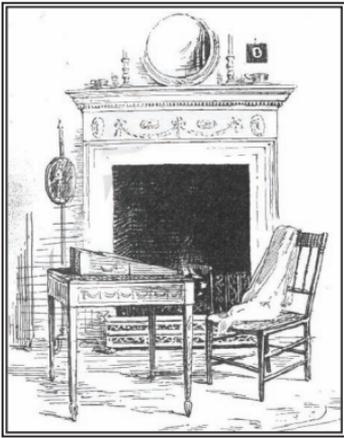
О Джейн Остин и ее героях

Джейн Остин (используется также вариант транскрипции — «Остен») родилась в 1775 году в городке Стивентон, графство Хэмпшир, где ее отец, преподобный Джордж Остин, был приходским священником. Она являлась седьмым ребенком в семье, где было восемь детей. Все дети выжили. Кассандра Ли (Leigh), мать семейства, кормила младенцев грудью по несколько месяцев, а затем отправляла их к кормилице в близлежащую деревню, где они находились под присмотром год или больше. Первые двадцать пять лет своей жизни Джейн провела в Хэмпшире. Когда ее отец отошел от дел, семья распродала все имущество и переехала в Бат (Bath). Джейн и ее старшая двадцативосьмилетняя сестра последовали за родителями.

Джейн Остин в основном обучалась на дому и лишь время от времени в школе, но она получила неплохое образование для женщины того времени. Ее родители любили чтение, как и сама Джейн, — ее любимым поэтом был Уильям Каупер. Наиболее ранние из ее собственных сочинений датируются примерно 1787 годом. Она писала на маленьких клочках бумаги, которые сбрасывала под стол, если кто-то входил в комнату, — от стеснения. В письмах, например сестре Кассандре, она подробно описывает жизнь своих близких и друзей: кто с кем встречался, что ели за ужином, какие делали покупки.

Одобрив страсть дочери к писательству, отец купил ей письменный стол и бумагу и пытался помочь ей найти издателя. После его смерти в 1805 году Джейн жила с сестрой и матерью в Саутгемптоне. В июле 1809 года они переехали в большой коттедж в поселке Чотэн. Это было место, где Джейн чувствовала себя особенно уютно. Замуж она так и не вышла, но у нее были и поклонники, и романтические мечты. С Томом Лефроем, например, их сближала любовь к чтению (они увлеченно делились своими впечатлениями о романе Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденныша») и способность к иронии. Среди знакомых Джейн Остин было немало среднего достатка помещиков, которых она изображала в своих романах.

В Чотэне она начала писать свои главные произведения, в том числе «Чувство и чувствительность» («Sense and Sensibility», 1811) — историю сестер из бедной семьи, которые живут с овдовевшей матерью и мечтают выйти замуж, чтобы занять подобаю-

Письменный стол Джейн Остин

Она не представляет себе счастья с человеком, чьи вкусы не во всем совпадают с ее вкусами. Она считает, что избранник должен разделять все ее чувства; те же книги, та же музыка должны пленять их обоих. Жизнь показывает несостоятельность таких убеждений, и Марианне предстоит осознать ложность многих своих суждений и отказаться, по доброй воле, от некоторых своих принципов, чтобы наконец встретить судьбой назначенного избранника. Элинор куда более рассудительна, чем ее чувствительная сестра, но и чувство Элинор к Эдварду жизнь подвергает драматическим испытаниям, ведь Эдвард помолвлен с Люси и, кажется, не намерен нарушать данное девушке обещание.

Во всех романах Остин ее героини в конечном итоге выходят замуж. Так было и в знаменитом романе «Гордость и предубеждение» (в другом переводе — «Гордость и гордыня» («Pride and Prejudice», 1813)), где небогатая, но умная, независимая и интеллигентная Элизабет Беннет, дочь провинциального дворянина, вступает в сложный поединок с мистером Дарси, богатым самовлюбленным аристократом, ослепленным собственным высокомерием. Их отношения начинаются с неприязни, но Дарси заинтересовывает ум и характер Элизабет и, конечно же, прекрасное выражение ее темных глаз. Она отвергает его первое предложение вступить в брак, но в конечном итоге героиня преодолевает все барьеры и счастливо воссоединяется.

Героиня романа «Эмма» («Emma», 1816), в отличие от Элизабет, дочь очень состоятельного помещика. Большая мечтательница и затейница, Эмма пытается разнообразить свой досуг, устраивая чужую личную жизнь. Будучи уверенной, что сама она никогда не

щее положение в обществе. Черновая версия этого романа была написана еще в 1797 году и называлась «Элинор и Марианна» (так зовут сестер). Еще более ранний вариант этого произведения представлял собой роман в письмах: Джейн читала его в кругу семьи в 1795 году.

Героини-сестры полны решимости подойти к вопросу о браке со всей возможной разумностью. Но Марианна, слишком экзальтированная и романтически настроенная девушка, без памяти влюбляется «не в того» мужчину — в легкомысленного соблаз

*Джейн Остин в основном обучалась на дому
и лишь время от времени в школе,
но она получила неплохое образование
для женщины того времени.*

выйдет замуж, она увлеченно играет роль свахи для своих подруг и знакомых и старается не обращать внимания на собственные чувства. Так, она берет под свое покровительство Гарриет Смит, незаконнорожденную девушку без положения в обществе и пытается устроить брак Гарриет с мистером Элтоном, молодым священником, хотя на самом деле Элтону приглянулась Эмма. Но Эмма убеждена, что она не способна влюбиться, пока однажды ревность не заставляет ее почувствовать любовь к мистеру Найтли.

Джейн Остин описывает провинциальную жизнь среднего класса с юмором и пониманием. Ей интересен быт небогатых помещиков, сельских священников и их семей — общества, в котором социальный статус женщины определяется главным образом браком. Для нее важны те маленькие нюансы, от которых зависит повседневное человеческое счастье. И в этих вопросах Остин превосходила многих других писателей своим острым умом и точной, очень искренней манерой повествования, вызывавшей у читателей непреходящий восторг. Из шести ее романов четыре были опубликованы при ее жизни, но анонимно. Когда издатель романа «Гордость и предубеждение» попытался внести изменения в некоторые любовные сцены, Остин написала ему: «Вы говорите, что книга неприличная. Вы говорите, что я нескромна. Но, сэр, при описании любви скромность — это законченность правды; приличие — откровенность, и поэтому я также должна быть откровенна с вами и попросить вас убрать мое имя с титульного листа во всех последующих публикациях».

Она умерла 18 июля 1817 г. в Уинчестере в возрасте сорока одного года. Романы «Уотсоны» («The Watsons») и «Сэндитон» («Sanditon») остались незавершенными. Причина ее смерти неизвестна. Выказывались версии, что она скончалась от болезни Аддисона, лимфомы, по другим данным — от туберкулеза. Джейн Остин похоронена в Уинчестерском соборе. «Для меня важно знать, что она покоится в здании, которым так восхищалась», — писала впоследствии Кассандра Остин. Кассандра уничтожила многие письма сестры; сохранилось всего 160 писем, но ни одного, написанного ранее ее двадцатилетия.

После смерти Джейн Остин ее брат Генри обнародовал ее авторство. «Эмма» получила благожелательный отзыв Вальтера Скотта, который записал в своем дневнике 14 марта 1826 года: «[Мисс Остин] обладает самым замечательным талантом к описанию увлечений, чувств и характерных особенностей повседневной жизни, который я когда-либо встречал». Но права была Элизабет Хардвик, которая писала: «Я не думаю, что ее превосходный ум принесет ей счастье».

ЧУВСТВО И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 1

Дэшвуды принадлежали к старинному роду, владевшему в Сассексе большим поместьем, которое носило название Норленд-Парк, и в усадьбе, расположенной в самом сердце их обширных угодий, из поколения в поколение вели столь почтенную жизнь, что пользовались среди соседей самой доброй репутацией. Последним хозяином поместья был доживший до весьма преклонного возраста старый холостяк, много лет деливший свое уединение с сестрой, которая вела дом. Но она умерла — что произошло лет за десять до его собственной кончины, — отчего домашняя его жизнь совершенно переменилась, ибо, потеряв ее, он пригласил поселиться у себя семью своего племянника мистера Генри Дэшвуда, законного наследника Норленда, которому он так или иначе намеревался завещать свое имение. Общество племянника, племянницы и их детей приятно скрашивало жизнь старика. Его привязанность к ним все возрастала и крепла. Мистер и миссис Дэшвуд с заботливым попечением покоили его старость, угождая всем его желаниям не столько из своекорыстия, сколько по душевной доброте, веселость же детей служила ему развлечением.

У мистера Генри Дэшвуда был сын от первого брака, а вторая жена подарила ему трех дочерей. Сын, благодарный и степенный молодой человек, не был стеснен в средствах, получив по достижении двадцати одного года половину состояния своей покойной мате-

ри, которое было весьма большим. А вскоре затем вступив в брак, еще приумножил свое богатство. Вот почему для него дальнейшая судьба Норленда была не столь важна, как для его сестер, чьи ожидания, если бы их отец не унаследовал имения, оказались бы далеко не радужными. Мать их никакого собственного состояния не имела, а отец по собственной воле мог распорядиться лишь семью тысячами фунтов, так как оставшая часть наследства его первой жены также должна была отойти ее сыну, он же лишь пожизненно пользовался процентами с нее.

Почтенный джентльмен скончался. Его завещание было оглашено и, как почти всегда в подобных случаях, принесло столько же огорчения, сколько и радости. Нет, он не был настолько несправедлив и неблагодарен, чтобы вовсе обойти племянника, и поместье отказал ему — но на таких условиях, что в значительной мере обесценил его. Наследства мистер Дэшвуд желал более ради жены и дочерей, нежели ради себя и сына, — однако как раз этому сыну и его сыну, четырехлетнему малютке, и предназначил свое имение старик, связав племяннику руки всяческими ограничениями, отнимавшими у него возможность обеспечить тех, кто был особенно дорог его сердцу и особенно нуждался в обеспечении: завещание возбранило ему распоряжаться поместьем по своему усмотрению или продавать дорогой лес. Сделано это было для того, чтобы оно со временем во всей целостности перешло его внуку, который, приезжая с отцом и матерью погостить в Норленде, настолько обворожил двоюродного прадедушку такими отнюдь не редкими у двух-трехлетних детей милыми особенностями, как забавный лепет, упорство в желании поставить на своем, изобретательность в проказах и шумливость, что они совершенно перевесили все нежные заботы, какими его окружали племянница и ее дочери. Впрочем, он вовсе не думал обидеть их и в знак расположения оставил каждой из трех девиц по тысяче фунтов.

Первое время мистер Дэшвуд переносил свое разочарование очень тяжело. Но человек по натуре бодрый и не склонный унывать, он вскоре утешился мыслью, что впереди у него еще много времени и, живя экономно, он сумеет отложить порядочную сумму из доходов от поместья, — они и так уже были немалыми, но он надеялся незамедлительно увеличить их, введя некоторые улучшения. Увы, поместье, полученное им столь поздно, принадлежало ему один год. Он пережил дядю лишь на этот срок, и его вдове и дочерям осталось всего десять тысяч фунтов, включавшие и те три тысячи, которые завещал барышням двоюродный дед.

Едва стало ясно, что болезнь мистера Дэшвуда принимает опасный оборот, он послал за сыном и со всей настойчивостью и убедительностью, на какие у него еще достало духа, поручил мачеху и сестер его заботам.

Мистер Джон Дэшвуд, в отличие от остальных членов семьи, не был склонен к сильным чувствам, но подобная отцовская просьба в подобных обстоятельствах не могла не тронуть сына, и он обещал сделать для их благополучия все, что будет в его силах. Такое заверение облегчило последние минуты умирающего, а затем у мистера Джона Дэшвуда оказалось достаточно досуга поразмыслить, что, собственно, он может сделать для них, не выходя из пределов благоразумия.

Он вовсе не был дурным человеком, — конечно, если черствость и эгоистичность необязательно делают людей дурными, — и, во всяком случае, пользовался общим уважением, так как в обычных обстоятельствах всегда вел себя с безукоризненной порядочностью. Женись он на более мягкосердечной женщине, то, быть может, стал бы еще более порядочным или даже сам умягчился сердцем, потому что вступил в брак совсем юным и очень любил жену. Однако миссис Джон Дэшвуд была как бы преувеличенной карикатурой на него самого — еще более себялюбивой и холодной.

Давая обещание отцу, он решил было добавить к состоянию сестер по тысяче фунтов для каждой. В те ми-

нуты он искренне считал, что это вполне в его силах. Мысль о том, что теперь его доход пополнится четырьмя тысячами фунтов в год, не говоря уж о второй половине материнского наследства, согрела его душу, вознесла над мелочными расчетами. Да, он подарит им три тысячи фунтов: это щедро, благородно. Они будут вполне обеспечены. Три тысячи фунтов! И столь внушительную сумму он может отдать, не причинив себе сколько-нибудь заметного ущерба! Эту мысль он лелеял весь день, а потом и еще много дней, ничуть не раскаиваясь в принятом решении.

Едва его отец был погребен, как прибыла миссис Джон Дэшвуд с сыном и собственными слугами. Никто не мог бы оспорить ее права приехать: дом принадлежал ее мужу с того мгновения, как его отец скончался. Но это лишь усугубляло бездушную неделикатность поведения, которое в подобных обстоятельствах больно ранило бы и женщину, не наделенную особенно тонкой натурой. Понятия же миссис Дэшвуд о чести были столь высоки, а представления об истинном благородстве столь романтичны, что поступок такого рода, независимо от того, кем и по отношению к кому он был совершен, мог вызвать у нее лишь непреходящее отвращение. Миссис Джон Дэшвуд никогда не пользовалась особенной любовью близких ее мужа, но до сих пор ей не выпадало случая показать им, с каким пренебрежением к душевному покою и чувствам других людей способна она вести себя, когда ей это представляется нужным.

Миссис Дэшвуд подобная грубая бессердечность возмутила так сильно и внушила ей столь жгучее презрение к невестке, что она, вероятно, в ту же минуту навсегда покинула бы дом, если бы не убеждения старшей дочери, которые заставили ее вспомнить, что подобная спешка была бы непростительным нарушением всех приличий. А затем любовь к трем ее девочкам внушила ей, что ради них она должна остаться и не порывать отношений с их братом.

Элино́р, старшая из сестер, чьи уговоры оказались столь успешными, обладала живым умом и спокойной рассудительностью, позволившими ей в девятнадцать лет стать советницей матери: не раз она, к их общему благу, успевала предупредить тот или иной необдуманый порыв миссис Дэшвуд. Душа у нее была прекрасная, сердце доброе и привязчивое, а чувства очень сильные, но она умела ими управлять. Умение это ее мать так пока и не приобрела, а одна из сестер твердо решила никогда не приобретать.

Достоинствами Марианна во многих отношениях не уступала Элино́р. Она была умна, но впечатлительна и отличалась большой пылкостью: ни в печалях, ни в радостях она не знала меры. Она была великодушна, мила, загадочна — все, что угодно, но только не благо-разумна. Сходство между ней и матерью казалось поразительным.

Чувствительность сестры внушала Элино́р тревогу, но миссис Дэшвуд восхищалась этим качеством дочери и всячески его лелеяла. Теперь они с Марианной неустанно поддерживали друг в друге бурную печаль. Сразившее их горе от невозвратимой утраты теперь нарочито растравлялось, усугублялось, воскресалось вновь и вновь. Они всецело предались его мукам, питали их всеми способами и твердо отвергали даже мысль о возможном утешении пусть в самом далеком будущем. Элино́р тоже горевала всем сердцем, но она боролась с собой, старалась взять себя в руки. У нее достало сил советоваться с братом, а также достойно встретить невестку и держаться с ней, как требовали правила хорошего тона. Она пыталась побудить к тому же и свою мать, вдохнуть в нее такую же терпеливую твердость.

Маргарет, третья сестра, была доброй, хорошей девочкой, но уже успела впитать немалую толику романтической Марианны, хотя далеко уступала ей в уме, и в свои тринадцать лет, разумеется, не могла считаться равной более взрослым сестрам.

ГЛАВА 2

Теперь хозяйкой Норленда стала миссис Джон Дэшвуд, а ее свекровь и золовки были низведены на положение гостей. Однако в таком их качестве она обходилась с ними со спокойной вежливостью, а ее муж — со всей добротой, на какую он был способен, когда речь шла не о нем самом, его жене или сыне. Он с вполне искренней настойчивостью просил их считать Норленд своим домом, и его приглашение было принято, так как миссис Дэшвуд не видела иного выхода — во всяком случае, до тех пор, пока она не подыщет для себя дом где-нибудь в окрестностях.

Необходимость жить там, где все напоминало ей о былых радостях, превосходно отвечала особенностям ее натуры. В безоблачные времена никто не мог сравниться с ней веселостью духа, никто не уповал на счастье с той светлой надеждой, которая сама по себе уже счастье. Но и печали она предавалась с такой же беззаветностью и так же отвергала самую возможность утешения, как прежде не позволяла даже тени сомнения омрачить ее восторги.

Миссис Джон Дэшвуд отнюдь не одобрила того, что ее муж решил сделать для своих сестер. Отнять три тысячи фунтов у их драгоценного сыночка! Но это же нанесет страшнейший ущерб его состоянию! Она умоляла его хорошенько подумать. Какое оправдание найдет он себе, если ограбит свое дитя, свое единственное дитя? Ведь это же огромная сумма! И какое, собственно, право есть у девиц Дэшвуд, всего лишь сводных его сестер — а такое родство она вообще родством не признает, — на подобную его щедрость? Давно известно, что между детьми от разных браков их отца вообще никакой привязанности и быть не положено. Почему должен он разорить себя и их бедного Гарри, отдав все свои деньги сводным сестрам?

— На смертном одре отец просил меня, — ответил ее муж, — чтобы я помог его вдове и дочерям.

и объяснялось более бескорыстными побуждениями. Теперь это стало ее заветной целью. Сколь ни дорого было ей общество второй дочери, она ни о чем так не мечтала, как пожертвовать его радостями своему бесценному другу. Эдвард с Элинор не менее хотели бы увидеть Марианну женой полковника. Они помнили о его страданиях и о том, скольким ему обязаны, и Марианна, по общему согласию, должна была стать его наградой за все.

При подобном заговоре против нее, близко зная его благородство, не сомневаясь в верности его глубокого чувства к ней, о котором она теперь слышала неожиданно для себя, хотя ни для кого другого оно уже давным-давно тайной не было, что могла она сделать?

Марианне Дэшвуд был сужден редкий жребий. Ей было суждено увериться в ложности своих неколебимых убеждений и собственным поведением опровергнуть самые заветные свои максимы. Ей было суждено подавить чувство, вспыхнувшее на склоне семнадцати лет, и добровольно, питая к нему лишь глубокое уважение и живейшую дружбу, отдать свою руку другому. И какому другому! Тому, кто не менее ее самой долго страдал от первой несчастной любви, тому, кто всего лишь два года назад казался ей слишком старым для брака, тому, кто по-прежнему не пренебрегал благодарительной защитой фланелевых жилетов!

Но случилось именно так. Вместо того, чтобы исчахнуть жертвой непреходящей страсти, как некогда льстила она себя надеждой, вместо того, чтобы навсегда остаться с матерью и находить единственные радости в уединении и серьезных занятиях, как намеревалась она позже, когда к ней вернулись спокойствие и способность рассуждать здраво, в девятнадцать лет она уступила новой привязанности, приняла на себя новые обязанности и вошла в новый дом женой, хозяйкой и покровительницей большого селения! Полковник Брэндон теперь обрел счастье, которое, по мнению всех, кто питал к нему дружбу, он более чем заслужил.

В Марианне он нашел утешение от всех былых горестей, ее нежность и ее общество вернули ему былую веселость и бодрость духа. И те же наблюдательные друзья с не меньшим восторгом признали, что, осчастливив его, Марианна нашла в этом и собственное счастье. Делить свое сердце она не умела и со временем отдала его мужу с той же безоговорочностью и полнотой, как некогда — Уиллоби.

Этого последнего весть о ее замужестве уязвила очень больно, а вскоре кара его и вовсе завершилась, когда миссис Смит пожелала его простить и, упомянув, что причиной такой снисходительности был его брак с достойной девицей, дала ему повод предположить, что, поступи он с Марианной так, как того требовали честь и благородство, он мог бы получить и счастье и богатство. Сомневаться в том, что Уиллоби искренне раскаялся в дурном своем поведении, которое обернулось для него наказанием, нужды нет, ибо он еще долго вспоминал о полковнике Брэндоне с завистью, а о Марианне — с сожалением. Однако не следует полагать, что он остался неутешен навеки, что он бежал общества, или погрузился в неизбывную меланхолию, или скончался от разбитого сердца, ибо ничего подобного не произошло. Он жил, чтобы получать удовольствия, и частенько их получал. Его жена отнюдь не всегда пребывала в кислом расположении духа, и ему случалось проводить время дома не без приятности; а лошади, собаки, охота и прочие такие же развлечения служили ему достаточной заменой семейного блаженства.

Однако к Марианне — вопреки неучтивости, с какой он пережил ее потерю, — он навсегда сохранил ту нежность, которая пробуждала в нем живой интерес ко всему, что с ней происходило, и превратила ее для него в тайное мерило женского совершенства. Впоследствии он не раз пожимал плечами, слыша похвалы какой-нибудь ослепившей общество юной красавице, и утверждал, что ей далеко до миссис Брэндон.

Полковник Брэндон теперь обрел счастье, которое, по мнению всех, кто питал к нему дружбу, он более чем заслужил. В Марианне он нашел утешение от всех бывших горестей, ее нежность и ее общество вернули ему былую веселость и бодрость духа. И те же наблюдательные друзья с не меньшим восторгом признали, что, осчастливив его, Марианна нашла в этом и собственное счастье.

У миссис Дэшвуд достало благоразумия не расставаться с Бартоном и не подыскивать себе уютного коттеджа в Делафорде; и, к большому удовольствию сэра Джона и миссис Дженнингс, едва они потеряли Марианну, Маргарет не только достигла возраста, когда ее можно было приглашать на вечера с танцами, но позволяла полагать, что у нее могут завестись тайные воздыхатели.

Между Бартоном и Делафордом поддерживалась та постоянная связь, в какой находит выражение истинная родственная любовь, а говоря о счастье Элинор и Марианны, среди их достоинств следует упомянуть одно, и немалое: они были сестрами и жили в самом близком соседстве, но умудрялись не ссориться между собой и не охлаждать дружбу между своими мужьями.

Содержание

О Джейн Остин и ее героях 3

Чувство и чувствительность 7